

«Аресту подлежат жены...»¹

Статья написана в соавторстве с А.Ю. Даниэлем

Эта книга содержит 7259 кратких справок об узницах Карагандинского лагеря в 1938 – 1940-х годов.

Тема «женщина в лагере» – трагична по самой своей сути. Не случайно самые яркие и самые страшные страницы лагерной мемуаристики вышли из-под женского пера: «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, «Мои воспоминания» Екатерины Олицкой, мемуары Надежды Суровцевой, Ольги Адамовой-Слиозберг, Хавы Волович, Ады Войтоловской и десятки других. Женщины Колымы, женщины Воркуты, женщины Норильска и Тайшета – сказанное ими и о них принадлежит к числу наиболее весомых и наиболее пронзительных свидетельств о ГУЛАГе.

И все-таки даже внутри «женской темы» история Карагандинского лагеря занимает особое место. Именно здесь в начале 1938 г. на базе 26-го трудпоселка было открыто Акмолинское женское спецотделение, один из трех островов «Архипелага ГУЛАГ», куда власть свозила тех, кто получил свои сроки заключения как «ЧСИР» – «члены семей изменников родины». Два других лагеря, куда отправляли в 1937 – 1938 гг. «жен изменников», находились в Мордовии и Томске.

В разговорах между собой акмолинские узницы полушутя называли свой остров экзотическим словом «АЛЖИР» – Акмолинский Лагерь Жен Изменников Родины.

Превентивные аресты, проскрипции, заложничество и круговая порука, принцип коллективной ответственности, репрессии по признаку принадлежности к той или иной группе – все это юридическое новаторство большевиков (а точнее, хорошо вспомненный старый опыт, наследие варварских эпох истории человечества) стало основой политических репрессий с первых месяцев советской власти. На этом фоне, формировавшем особый внеправовой менталитет и основной массы населения, и партийной верхушки, планировавшей репрессивную политику, и чекистов – исполнителей этой политики, репрессии «по семейному принципу» отнюдь не выглядели чем-то особенным.

Родителей, жен, детей «контрреволюционеров» арестовывали в 1918–1920 гг. Их отправляли на принудительные работы, заключали в концлагеря, расстреливали. И тогда, и после окончания Гражданской войны аресто-

¹ Впервые опубликовано в кн.: Узницы «АЛЖИРА»: Список женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М.: Звенья, 2003.

вывали (и тоже расстреливали, тоже отправляли в лагеря) родственников участников крестьянских восстаний. Преследования членов семей «контрреволюционных элементов» эпизодически практиковались на всем протяжении 1920-х годов.

Репрессии против семей занимают едва ли не центральное место и в истории коллективизации. Как известно, «кулаки» были поделены на три категории. Те, кого власть отнесла к первой, т.е. к «контрреволюционному активу», были арестованы, а затем расстреляны или направлены в лагеря. Семьи же их предписывалось «выслать в северные районы Союза». Это была самая массовая в советской истории операция, направленная против членов семей репрессированных: ее жертвами стали сотни тысяч родственников арестованных крестьян².

В 1934 г. в советском законодательстве появляется термин «член семьи изменника [родине]». По постановлению ЦИК СССР от 8 июня наказывались семьи военнослужащих, перебежавших за границу. В зависимости от того, были ли они (по мнению следователей) в курсе планов перебежчика или нет, членов семей карали лагерем от 5 до 10 лет или ссылкой в Сибирь на 5 лет³.

Высылка семей «бывших людей» (выходцев из дворянства, духовенства, крупной буржуазии) из Ленинграда в 1935 г., депортации семей «антисоветских элементов» из Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики в 1939–1941 гг., аресты и ссылки семей изменников (мнимых и подлинных) в годы войны и сразу после нее, послевоенные высылки семей участников национального сопротивления из Прибалтики и Западной Украины – этот перечень может быть и дополнен, и продолжен.

Специальная операция против жен и детей «право-троцкистских шпионов и диверсантов», проведенная НКВД в 1937–1938 гг., – лишь эпизод в ряду репрессий, которые советская власть обрушивала на родственников тех, кого считала своими врагами. У этой операции, однако, была своя специфика. И своя, хотя и достаточно короткая, предыстория.

23 мая 1937 г. Политбюро приняло постановление, согласно которому из Москвы, Ленинграда и Киева выселялись все, кто был на этот момент исключен из ВКП(б) за принадлежность к различным внутрипартийным оппозиционным группам и за «протаскивание враждебных взглядов в преподавании и в печати». Высылаются ли вместе с ними их семьи, в постановлении не сказано. Семьям, но не просто исключенных из партии, а уже арестованных и осужденных, был посвящен отдельный пункт: «Все семьи троцкистов, зиновьевцев, правых, децистов и участников других антисоветских тер-

² Что касается раскулаченных по второй и третьей категориям, то здесь репрессия изначально была направлена против всего крестьянского двора. Высылали не жену и детей «вслед» за их раскулаченным мужем и отцом, а семью как таковую.

³ Некоторым ЧСИР на допросах 1937–1938 гг. их арест объясняли тем, что на них теперь распространен закон 1934 г. о семьях невозвращенцев. См.: Мамаева Е.А. Жизнь прожить... М., 1998. С. 77.

рористических и шпионских организаций, расстрелянных и осужденных к лишению свободы на сроки от 5 [лет] и выше, – из Москвы, Ленинграда и Киева выселить в непромышленные районы Союза с прикреплением на жительство к определенным пунктам»⁴. Через три недели, 15 июня 1937 г., Ежов, во исполнение этого решения, утвердил специальную инструкцию по высылке. Высылка производилась не из трех, как в постановлении Политбюро, а из шести городов (прибавились Ростов, Таганрог и Сочи). Исключенные из ВКП(б) подлежали высылке теперь уже вместе с семьями; была обозначена и хронологическая точка отсчета для отбора высылаемых – высылались те, кого исключили после 1 декабря 1934 г. Наверное, та же дата относилась и к семьям осужденных, хотя впрямую в инструкции об этом не сказано; насчет них в точности была повторена формула из постановления Политбюро. В качестве мест высылки были названы республики Средней Азии, а также Башкирия, Красноярский край, Северная, Кировская, Оренбургская, Омская и Челябинская области. Выселение, за исключением нескольких специально оговоренных случаев, утверждалось начальниками местных управлений НКВД. После утверждения каждой семье давали пять дней на сборы. К месту высылки семьи добирались самостоятельно. На всю операцию по выселению семей репрессированных, согласно инструкции, отводился месяц – с 25.06.37 по 25.07.37. Еще месяц должна была занять высылка исключенных из ВКП(б)⁵.

Май–июнь 1937 г., в особенности последние полтора месяца этого периода, после расстрела «военно-фашистских заговорщиков», – это время интенсивного планирования будущих массовых репрессивных кампаний.

В первые дни июля 1937 г. были приняты решения, определившие судьбу многих сотен тысяч будущих жертв террора. Главное из них – постановление Политбюро от 2 июля «Об антисоветских элементах», давшее старт самой масштабной репрессивной операции эпохи «большого террора». На основе этого решения к концу июля будет подготовлен знаменитый теперь оперативный приказ НКВД № 00447 («кулацкий приказ»), по которому с 5 августа 1937 г. до середины ноября 1938 г. специально созданные тройки НКВД – УНКВД приговорят не менее 800 тысяч человек, половину из них – к расстрелу⁶.

Стремительное развитие установок террора привело к повороту и в планах относительно участи, уготованной семьям «врагов народа». 3.07.37, наряду с телеграммой, требующей «провести учет кулаков» с целью их последующего ареста, Ежов направил своим подчиненным два распоряжения на одну

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 21. Л. 45.

⁵ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 13. Д. 3. Л. 45–51.

⁶ Начиная с августа 1937 г. НКВД издаст еще несколько специальных приказов по проведению т.н. национальных операций, которые в общем итоге увеличат число жертв террора 1937–1938 гг. еще почти на 350 тысяч человек. Названные цифры основываются на результатах проведенных группой сотрудников «Мемориала» исследований статистики политических репрессий 1937–1938 гг.

тему. Первое адресовалось только в те регионы СССР, откуда производилась высылка по инструкции от 15 июня. В нем предписывалось приостановить высылку семей лиц, осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР. Была прямо указана и причина приостановки: «Эти семьи ближайшее время будут заключены специальные лагеря». Второе распоряжение было разослано всем начальникам УНКВД:

«К десятому июля с.г. представьте мне списки на все семьи лиц, осужденных после первого декабря 1934 года Военной коллегией Верховного суда по первой, второй и третьей категории, а также списки на социально-опасные семьи лиц, осужденных Спецколлегиями судов.

В списках указать:

1) Фамилию, имя и отчество осужденного главы семьи, по какой категории осужден; 2) Фамилии, имена, отчества членов семьи осужденного, а также их возраст, где в какой должности работают или в каком учебном заведении учатся.

Состав семьи считать: жена, муж, дети, а также состоящие на иждивении и совместно проживающие отец, мать, братья и сестры. Эти семьи в ближайшее время будут заключены в специальные лагеря.

По получении от Вас списков, указания о порядке направления этих семей в лагерь дам дополнительно. Ежов»⁷.

И наконец, в тот же день, 3 июля 1937 г., из Москвы на имя начальника УНКВД по Западно-Сибирскому краю Миронова и наркома внутренних дел Казахстана Залина ушла еще одна шифротелеграмма, содержащая важные детали намечавшейся операции. Она подписана начальником ГУЛАГа М.Берманом, но нет сомнений, что распоряжение, в нем содержащееся, исходит от Ежова:

«Ближайшее время будут осуждены и должны быть изолированы особо усиленных условиях режима семьи расстрелянных троцкистов и правых, примерно количестве 6 – 7 тысяч человек, преимущественно женщины и небольшое количество стариков. С ними будут также направляться дети дошкольного возраста.

Для содержания этих контингентов необходима организация двух концлагерей, примерно по три тысячи человек, с крепким режимом, усиленной охраной (только из вольнонаемных), исключаящей побеги, с обязательным обнесением колючей проволокой или забором, вышками и тому подобное, использованием этих контингентов на работах внутри лагеря.

В связи необходимостью быстрее создания этих лагерей считаю наиболее целесообразным организацию их на базе существующих трудпоселков Нарыме и Караганде, использованием, первую очередь, свободных помещений или не полностью заселенных, которые можно быстрее освободить, переместив имеющихся там переселенцев.

Предлагаю срочно проработать вопрос организации концлагеря Нарыме и Казахстане три тысячи человек каждый. <...> Ответ жду обязательно не позднее седьмого июля»⁸.

⁷ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 147. Л. 315.

⁸ Там же. Л. 310–311.

Телеграмма Бермана – первый документ, имеющий прямое и непосредственное отношение к созданию АЛЖИРа⁹.

Из всех этих телеграмм многое оставалось неясным: будут ли отправлены в лагеря семьи всех осужденных или только семьи тех, кто был приговорен к расстрелу, должны ли касаться новые репрессии только семей «троцкистов и правых» или в основе здесь лежит принцип осуждения именно Военной коллегией (вне зависимости от состава обвинения), что делать с семьями осужденных другими органами. Очевидно только одно – к июлю в отношении значительной части членов семей осужденных высылка уже казалась недостаточной мерой репрессии и ее было решено заменить заключением в лагеря.

Окончательно контуры будущей операции против жен «изменников родины» были очерчены еще через два дня. 5.07.37 Политбюро постановило: «1. Принять предложение Наркомвнудела о заключении в лагеря на 5–8 лет всех жен осужденных изменников родины членов право-троцкистской шпионско-диверсионной организации, согласно представленному списку.

Предложить Наркомвнуделу организовать для этого специальные лагеря в Нарымском крае и Тургайском районе Казахстана.

Установить впредь порядок, по которому все жены изобличенных изменников родины право-троцкистских шпионов подлежат заключению в лагеря не менее, как на 5–8 лет.

Всех оставшихся после осуждения детей-сирот до 15-летнего возраста взять на государственное обеспечение, что же касается детей старше 15-летнего возраста, о них решать вопрос индивидуально.

Предложить Наркомвнуделу разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик.

Все дети подлежат размещению в городах вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тифлиса, Минска, приморских городов, приграничных городов»¹⁰.

Сам по себе факт утверждения списка на осуждение не являлся чем-то сверхординарным, выходящим за рамки обычной работы Политбюро. Примечательно в постановлении другое. Члены Политбюро, по сути, не только

⁹ И еще одно письмо было отправлено в тот же день, 3 июля 1937 г. В нем начальник Административно-хозяйственного управления (АХУ) НКВД Жуковский информировал председателя детской комиссии В ЦИК Семашко об организации в Москве на территории Даниловского монастыря специального приемника-распределителя для девочек и о расширении уже находящегося там приемника для мальчиков (ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 1. Д. 1159). Совпадение дат вряд ли случайное. Скорее всего активизация АХУ НКВД была связана с подготовкой к будущей операции по ЧСИР. В 1937–1938 гг. именно это управление НКВД будет отвечать за распределение детей арестованных. Через Даниловский детприемник за время операции пройдут многие сотни «изъятых» (термин НКВД) детей «врагов народа».

¹⁰ Фототипическое воспроизведение постановления см.: Информационный бюллетень правления общества «Мемориал». Сентябрь 1999. № 12. С. 18. См. также: Дети ГУЛАГа, 1918–1956 / сост. С.С. Виленский и др. М., 2002. С. 229–230. Отметим, кстати, что в этой книге представлен большой корпус документов о детях – ЧСИР.

согласились в будущем не рассматривать списки жен, но и не оставили в вопросе о женах места для какой-либо самостоятельности НКВД. Судьба жен была решена заранее и – скопом. Они подлежали аресту и осуждению автоматически, что определялось коротким словечком «все». Это слово и стало смысловым ядром будущей операции. В решении Политбюро косвенно задавались и иные параметры для этой операции. Например, указание на «измену родине» и «шпионско-диверсионную деятельность», да еще в сочетании с эпитетом «право-троцкистские» обозначало исключительную подсудность двум органам: Военной коллегии Верховного суда СССР и военным трибуналам. Это, в свою очередь, очерчивало и масштабы операции, не очень большие по параметрам 1937 г. В целом решение Политбюро от 5.07.37 не только санкционировало намеченную за несколько дней до того (скорее всего лично Сталиным или совместно с Ежовым) операцию по женам, но и явилось ее почти исчерпывающей нормативной базой – после этого составление приказа НКВД было делом чисто техническим. Не случайно впоследствии Ежов при докладах об этой операции Сталину и Молотову всякий раз подчеркивал, что она проводится «по решению ЦК».

После 5 июля в НКВД началась усиленная подготовка к будущей операции. Были учтены все члены семей арестованных и осужденных. Данные пересылались в Москву, где их обрабатывали сотрудники учетно-статистического отдела центрального аппарата НКВД. Велась переписка с Наркоматом просвещения о подготовке мест в детских домах, расширялась сеть детских приемников-распределителей НКВД. Продолжались поиски подходящих мест для устройства женских лагерей.

Высылка по инструкции от 15 июня продолжалась, хотя относительно части семей она, как уже говорилось, была приостановлена – в ожидании сигнала к аресту жен. И все же высылка оставалась достаточно интенсивной. Только из Москвы с конца июня по август 1937 г. было выслано, не считая детей, более 2,5 тысячи человек¹¹.

Наконец, 15.08.37 был издан приказ НКВД СССР № 00486.

Если лапидарное решение Политбюро от 5 июля можно считать документом, инициирующим операцию НКВД против жен «изменников родины», то многостраничный приказ был документом, подробнейшим образом регламентирующим эту операцию. Документ этот в последние годы неоднократно публиковался¹², поэтому укажем лишь на три наиболее важных его положения.

Во-первых, согласно этому приказу, аресту подлежали жены тех, кто после 1 августа 1936 г. был осужден к расстрелу, заключению в тюрьмы или лагеря

¹¹ В это число входят, по-видимому, взрослые родственники и осужденных, и исключенных из ВКП(б). Характер высылки семей исключенных был изменен 2.09.37 распоряжением Ежова: «Во изменение инструкции от 15-го июня с.г. 1-го раздела параграф 1 и 2 выселение семей исключенных в том случае если они сами не хотят ехать и нет на них достаточных компрометирующих материалов не производить. Выселять только самих исключенных. Ежов» (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2245. Л. 508).

¹² Впервые: Мемориал-Аспект. 1993. № 2/3 / публ. Н.Г. Охотина. См. также: Дети ГУЛАГа, 1918–1956. М., 2002. С.234–238.

Военной коллегией Верховного суда или военными трибуналами за принадлежность к «право-троцкистским шпионско-диверсионным организациям».

Во-вторых, в дальнейшем предписывалось «впредь всех жен изблеченных изменников родины, право-троцкистских шпионов, арестовывать одновременно с мужьями».

В-третьих, определялся механизм оформления приговоров – Особое соещение НКВД СССР и срок заключения – «не менее 5–8 лет».

Как видим, в приказе произошли некоторые изменения по сравнению с директивой Ежова от 3 июля об учете членов семей.

Часть этих изменений прямо или косвенно вытекает из иницилирующего документа – решения Политбюро от 5 июля. Самое существенное из них: вслед за решением Политбюро приказ посвящен именно женам и детям, а не членам семьи вообще, как в более ранних документах НКВД.

Впрочем, не забыты и другие категории родственников осужденных. Однако меры, которые должны принимать органы НКВД в отношении этих категорий, куда более индивидуализированы. Так, бывшие жены осужденных подлежат аресту только в том случае, если они участвовали в «контр-революционной деятельности» осужденного, укрывали его или по крайней мере знали о ней, но не донесли. Дети старше 15 лет также подлежали аресту лишь тогда, когда их признавали «социально-опасными и способными к совершению антисоветских действий». В этом случае их дела, как и дела арестованных жен, передавались на рассмотрение О СО. Правда, осужденные дети могли быть не только отправлены в лагерь или исправительно-трудовую колонию, но и «водворены в детские дома особого режима».

Текст приказа свидетельствует и о других изменениях в плане проведения операции, произошедших с начала июля. Показательна замена даты 1 декабря 1934 г., начиная с которой состоявшийся в прошлом арест мужа должен теперь повлечь за собой и арест жены, на другую, более близкую – 1 августа 1936 г. Обе даты – знаковые. Но первая из них явно отсылает начальников УНКВД (а именно им был адресован приказ 00486) к убийству Кирова и к чистке, начавшейся после этого убийства. Как известно, Сталин был недоволен и темпами, и масштабами, и «мягкостью» репрессий конца 1934 г. – первой половины 1936 г. Вторая же дата немедленно вызывала у исполнителей приказа ассоциацию с состоявшимся в августе 1936 г. процессом Зиновьева – Каменева, на котором Военная коллегия Верховного суда вынесла всем обвиняемым – бывшим партийцам высшего звена – расстрельные приговоры. За августовским процессом последовали смена Ягоды на посту наркома внутренних дел Ежовым, январский (1937 г.) процесс над Пятаковым и другими (где опять-таки почти все получили приговоры к расстрелу), февральско-мартовский пленум ЦК, где были открыто сформулированы направления будущих чисток, аресты Бухарина и Рыкова, расстрел Тухачевского, Уборевича и других высших военных в июне... Таким образом, в самой дате – августе 1936 г. – были заданы и направленность, и характер операции.

Отметим, наконец, что, согласно приказу, арест беременных женщин, тяжелобольных, имеющих грудных детей, а также «имеющих преклонный

возраст» мог быть временно отложен. Впрочем, в другом месте приказа об их дальнейшей судьбе сказано отчетливо: «Осужденные жены изменников родины, не подвергнутые аресту в силу болезни и наличия на руках больных детей, по выздоровлении арестовываются и направляются в лагерь. Жены изменников родины, имеющие на руках грудных детей, после вынесения приговора немедленно подвергаются аресту и без заезда в тюрьму направляются непосредственно в лагерь. Так же поступать и с осужденными женами, имеющими преклонный возраст».

Значительная часть приказа посвящена судьбе детей, остающихся после ареста матери без надзора. Младенцы от 1 до 3 лет направлялись в ясли и детдома Наркомздрава, дети от 3 до 15 лет – в детские дома Наркомпроса. При этом специально оговаривалось, что «если оставшихся сирот пожелают взять другие родственники (не репресслируемые) на свое полное иждивение – этому не препятствовать».

Приказ 00486 детально расписывает процедуры арестов, контингенты, порядок конфискации имущества, механизмы направления детей в детдома. Однако он разительно отличается от всех других оперативных приказов НКВД 1937–1938 гг. – в нем нет так называемой мотивировочной части. Обычно оперативные приказы начинались с формул об активизации на территории СССР деятельности той или иной разведки, или, например, о возникновении каких-то «повстанческо-террористических формирований», или о вредительстве в какой-то сфере хозяйства. И только после этого следовал основной текст – кого и как арестовывать, осудить, как отчитываться по операции и т.д. Но приказ 00486 никаких мотивировок – ни реальных, ни фантастических – не содержит. Текст его открывается прямо с распоряжения: «С получением настоящего приказа приступите к репрессированию жен изменников родины...». И это возвращает нас к вопросу о смысле, который был заложен организаторами террора в операцию против жен.

Она не похожа ни на аресты заложников в первые годы советской власти, ни на депортации начала 1930-х. В заложничестве, при всей его чудовищности, хотя бы иногда, но все-таки проглядывала какая-то цель («если будет сделано то-то, то мы расстреляем таких-то» или – «этими репрессиями мы отвечаем на...»).

Она не похожа и на высылку членов семей кулаков-«вредителей» во время коллективизации – создателям колхозного строя не было никакого резона оставлять хозяйство в руках наследников арестованного главы семьи¹³.

¹³ Заметим, что установки ОГПУ начала 1930 г. не были такими «механистическими» и тотальными, как через семь лет в приказе НКВД № 00486. Они оставляли местным органам, принимавшим решения о высылке, некоторое пространство для самостоятельности: высылка семей арестованных «кулаков» должна была производиться «с учетом наличия в семье трудоспособных и степени социальной опасности этих семейств» (Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / сост. Е.А. Зайцев. М., 1993. С. 108).

Напрашивается сопоставление с высылкой из Москвы жен осужденных в 1922 г. по процессу ЦК партии социалистов-революционеров. Но в записке Дзержинского, направленной в ЦК ВКП(б) в июле 1922 г., необходимость высылки как раз подробно и внятно мотивируется. Дзержинский считал, что арестованные эсеры через свои семьи поддерживают связь с внешним миром, а квартиры арестованных служат явками и связывают между собой эсеровские силы, что члены семей, остающиеся в Москве, способны оказать помощь эсеровским «террористическим элементам», которые в связи с процессом могут активизироваться¹⁴. При всем внешнем сходстве сталинские репрессии жен в 1937–1938 гг. имели, по-видимому, другую мотивацию. Для того чтобы нейтрализовать возможную «враждебную активность» родственников осужденных, достаточно было их выслать – но тогда уж не только жен и детей, но и родителей, братьев, сестер. Именно на это была нацелена высылка по инструкции от 15.06.37. Но уже через два месяца, как мы знаем, для части жен высылка, которую еще можно по аналогии с предложениями Дзержинского 1922 г. рассматривать как меру превентивную, была заменена прямым наказанием – осуждением в лагерь. Почему?

Попробуем поискать ответ в следственных делах ЧСИР, арестованных по 486-му приказу.

Это вполне стандартные дела со стандартным набором документов. От прочих дел они отличаются повышенным вниманием к составу семьи (несколько справок)¹⁵, очень короткими допросами обвиняемой и отсутствием допросов каких-либо свидетелей или выписок из таких допросов. Но уже в одном из первых документов дела – справке на арест, как правило, содержится стандартная формула: «До ареста мужа проживала вместе с ним и была посвящена в его контрреволюционную деятельность» (иногда – «и способствовала его контрреволюционной деятельности»).

Потом эти формулы возникнут во время первого (зачастую – и единственного) допроса. Вопросы всем женам задавались примерно одни и те же.

- Сколько лет прожили с мужем?
- Назовите Ваших знакомых и знакомых Вашего мужа?
- Кто приходил к Вам в дом?

Женщины отвечали на эти вопросы скупой, называли одно или несколько имен, но следователь, как правило, особенно и не настаивал на расширении списка.

¹⁴ См.: Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь–август 1922 г. : Подготовка. Проведение. Итоги / сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. М., 2002. С. 93–94.

¹⁵ Приказ № 00486 требовал, чтобы такие справки составлялись еще до ареста ЧСИР. На практике это требование далеко не всегда соблюдалось. Пользуемся случаем выразить искреннюю признательность В.И. Битюцкому и Н.М. Перемышленниковой, поделившимся с авторами наблюдениями над следственными делами ЧСИР. Благодарим также О.А. Горланова, Н.Г. Охотина и Н.В. Петрова, которые обратили наше внимание на ряд архивных документов, использованных при подготовке настоящей статьи.

- По каким поводам собирались?
- Говорили ли на политические темы? Обсуждали ли политику советской власти?

И здесь женщины давали стандартные ответы – собирались по праздникам или чтобы поиграть в шахматы, шашки, карты, о политике не говорили.

Наконец, шли последние – «ударные» – вопросы:

– Ваш муж арестован как участник контрреволюционной право-троцкистской организации. Что Вы можете сказать об этом?

– Вы обвиняетесь в том, что знали все об антисоветской деятельности мужа. Признаете ли Вы себя виновной?

Жены, как правило, отвечали, что ничего не знают о такой деятельности, многие при этом произносили горячие слова в защиту мужей. Виновными себя никто не признавал. Но следователи и не добивались признания. Пожалуй, это был единственный вид дел 1937–1938 гг., по которым они не обязаны были его добиваться. «Признание» здесь заменялось справками, открывающими следственное дело, где содержались сведения о том, что такая-то была женой такого-то, арестованного или осужденного тогда-то по обвинению в том-то и том-то.

Несмотря на это, в обвинительном заключении обычно писалось: «...проживала вместе с мужем ... лет, знала о проводившейся им контрреволюционной деятельности, но об этом следственным органам не заявила». И далее: «...обвиняемую в порядке приказа НКВД СССР от 15.8.1937 года за № 00486 по согласованию с облпрокурором направить на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР»¹⁶.

Скрытое обвинение в «недонесении» или «соучастии» просматривается и в пункте 5 приказа 00486, где говорится об освобождении жен от ответственности: «Аресту не подлежат жены осужденных, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам власти сведения, послужившие основанием к разработке и аресту мужей». Получалось, таким образом, что, если после ареста мужа жена начнет его «разоблачать», при этом неважно, находясь еще на воле или будучи уже арестованной, ее судьбу это изменить уже не может. Это прекрасно понимали следователи НКВД, поэтому допросы жен и носили столь формальный характер. По сути, что бы ни заявляла арестованная жена на следствии, ее судьба была предрешена – 5 или 8 лет по приговору ОСО с формулой «ЧСИР». Впрочем, если жена спорила со следователем слишком горячо или если по ее поводу возникали чьи-то показания, следователь мог переqualифицировать ее из ЧСИР в обвиняемые по какому-нибудь пункту 58-й статьи. Подобные случаи известны.

Таким образом, те слабые следы мотивации, которые удается обнаружить в документах по делам ЧСИР, сводятся по существу к одному – «недонесение». Обвинение подлое и бредовое, если вспомнить, что мужья их, как

¹⁶ Иногда, впрочем, не упоминалось ни о приказе, ни о прокуроре и возникала формула об «участии в контрреволюционной деятельности мужа». Иногда вовсе отсутствовало какое бы то ни было описание обвинения жены. Здесь многое зависело от практики, принятой в каждом конкретном УНКВД, проводившим следствие.

бы они ни относились в глубине души к Сталину и его диктатуре, так же ни в чем не были виновны. Но одновременно это обвинение в определенном смысле – правдивое. Может быть, единственное правдивое обвинение в фантастическом, ни с чем не сравнимом нагромождении лжи и абсурда той эпохи. Ведь эти женщины и вправду – не донесли и не предали. За это и отобрали у них детей, за это их самих отправили в лагеря.

С точки зрения Сталина, женщины, репрессированные в рамках приказа 00486, были не просто женами «врагов народа». Это были жены «главных врагов» – «право-троцкистских заговорщиков». Говоря современным языком, это были жены элиты, партийных и советских деятелей, руководителей промышленности, видных военных, деятелей культуры¹⁷. Той самой элиты, которая сложилась в первые два десятилетия советской власти и которую Сталин (не всю, конечно, но значительную ее часть) к середине 30-х годов рассматривал или как балласт, или как постоянный источник заговоров против этой самой власти и против него лично. А его собственный опыт наблюдения над семейным бытом революционеров-подпольщиков начала века подсказывал: жены его бывших соратников и сторонников, как старых, так и более молодых, чьи пути разошлись с его собственным, должны быть на стороне своих мужей. По логике вождя, это вовсе не значило, что они прямо помогали им в «контрреволюционной деятельности». Но знали о ней, не могли не знать. И это знание, а может быть, даже и сочувствие, делало в его глазах женщин соучастницами своих мужей. Такого рода представления и легли в основу репрессий против жен.

Возможно, наши рассуждения о мотивировках организаторов и исполнителей репрессий, о конкретной вине, которую они могли бы, исходя из своей палаческой логики, вменить невиновным людям, покажутся неуместными и необоснованными. О какой вине, выдуманной или невыдуманной, может идти речь, если массовые политические репрессии в СССР потому и были массовыми, что в подавляющем большинстве государство карало людей не за конкретные деяния и даже не за образ мыслей, а за принадлежность к определенной группе или категории населения: социальной, конфессиональной, этнической, какой-нибудь иной?

¹⁷ Напомним, что определением судьбы этой категории репрессированных Сталин занимался лично. В 1937–1938 гг. перед тем, как дело направлялось в Военную коллегию, он (вместе со своим ближайшим окружением, обычно – с Молотовым, Ворошиловым, Кагановичем, Ждановым) просматривал и визирует списки будущих осужденных, представленные НКВД. После этого Военной коллегии оставалось только «отштамповать» своим решением уже фактически вынесенный приговор (более чем в 80% случаев – расстрел). А с августа 1937 г., с начала операции по приказу НКВД № 00486, за приговором Военной коллегии мужу автоматически следовал и приговор Особого совещания жене. Так что не будет преувеличением сказать, что приговоры женам выносили те же самые люди, которые приговорили к смерти их мужей, они по сути восходят все к тем же «сталинским спискам». Полностью списки (в них более 40 000 имен) изданы в электронном виде. См. компакт-диск: Сталинские расстрельные списки. М.: Мемориал–Звенья, 2002.

Более того, легко увидеть, что по степени «категориальности» операция против жен выделяется даже на фоне 1937–1938 гг. – эпохи, когда «категориальные» репрессии достигли апогея. Почти никогда в репрессивных директивах ОГПУ – НКВД мы не встречали группу, столь жестко и конкретно обозначенную, как та, что описана в приказе 00486. «Национальные» приказы того времени вовсе не обязывали органы НКВД арестовать *всех* поляков, латышей или греков, приказы против «церковников» – *всех* священнослужителей, приказы против «бывших людей» – *всех* дворян и *всех* офицеров царской армии. Здесь же задание было сформулировано так, что в нем не могло быть исключений. Одна категория (жены) была полностью описана через другую (мужья). Осуждение жены полностью предопределялось совпадением двух факторов – обвинения мужа в определенном преступлении и осуждения его определенным судебным органом. В этом смысле операция против жен «изменников родины» – предельное, концентрированное выражение механики и логики советского государственного террора¹⁸. Так о какой же конкретной вине может идти речь в таком случае?

На самом деле, как нам кажется, для Сталина здесь не было никакого противоречия. Вождь мыслил в терминах не индивидуальной вины и индивидуальной ответственности, а *коллективной* вины и *коллективной* ответственности. Для того чтобы развернуть операцию против «жен изменников родины», ему достаточно было знать: женщины, как правило, сочувствуют взглядам своих мужей. А значит, все жены арестованных «заговорщиков» – фактические соучастницы заговоров, которые организовывали их мужья, и ответственность за эту коллективную вину несет каждая из них; стало быть, каждая заслуживает своих 8 лет АЛЖИРа. Индивидуальная же вина или невиновность в данном «преступлении» не имеет равным счетом никакого значения. НКВД требовалось лишь превратить метафизическую вину сочувствия и фантастическую вину соучастия в юридически оформленный приговор¹⁹.

Аресты жен «изменников родины» начались сразу же после 15 августа.

В первую очередь арестовали тех, чьи мужья уже были осуждены. Эту часть операции, согласно приказу следовало закончить к 25 октября. Фактически же местные наркоматы и управления внутренних дел справились

¹⁸ По неотвратимости, по полноте охвата репресслируемой категории она может быть сравнима разве что с национальными депортациями, например, 1943–1944 гг.

¹⁹ Не случайно в постановлениях ОСО какие бы то ни было содержательные обвинения заменяет оборот «как члена семьи изменника родины». Встречаются постановления, в которых даже такая лапидарная формула сокращена до аббревиатуры – ЧСИР. Во второй половине 1950-х годов эта ситуация поначалу вызывала недоумение у молодых работников судебных органов, занимавшихся реабилитацией в порядке надзора: в делах ЧСИР не было не только статей УК, но и формулировок обвинения в приговорах. Нам известны казусы, когда работникам КГБ того времени приходилось изготавливать для реабилитирующих органов «копии» выписок из протоколов ОСО, заменяя в них формулу «как члена семьи изменника родины» на более «правовую», заимствованную обычно из справок на арест – «за контрреволюционную деятельность».

с ней даже раньше намеченного срока. Предварительная подготовка была осуществлена еще в июле, когда на учет, во исполнение указаний от 3.07.37, были взяты все члены семей осужденных. В числе самых первых были осуждены жены, отправленные незадолго до этого в ссылку. Относительно некоторых из них даже не проводилось формального следствия, арест же не предшествовал решению ОСО, а следовал за ним: выписка из решения поступала из Москвы в местное УНКВД, после чего женщину арестовывали и отправляли в лагерь²⁰.

Параллельно начались аресты тех женщин, чьи мужья хотя и были арестованы к 15 августа, но еще не получили свои приговоры.

И наконец приступили к арестам тех, чьи мужья были арестованы уже после 15 августа. Приказ 00486 в той его части, которая предписывала впредь арестовывать «жен избличенных изменников родины» одновременно с мужьями, исполнялся в точности сравнительно редко. Обычно жен арестовывали позднее – на несколько дней, недель или даже месяцев. Поскольку вынести приговор жене могли только после осуждения мужа²¹, то продолжительность их пребывания в следственных тюрьмах зависела от нескольких обстоятельств: от продолжительности следствия у мужей, от времени, когда мужьям выносили приговоры (а это, в свою очередь, определялось временем приезда в регион Выездной сессии Военной коллегии), от того, как быстро дело жены после этого попадало на Особое совещание в Москве, как скоро приходил наряд из ГУЛАГа на этапирование осужденной в лагерь.

Отсюда и самые разные сроки, которые проводили жены в следственных тюрьмах, – от одного-двух до восьми-десяти месяцев.

Все вышесказанное относится, конечно, не только к женам, но и к признанным «социально-опасными» дочерям и сыновьям. Иногда в число арестованных ЧСИР попадали также сестры и родители осужденных – такие, не предусмотренные приказом «изъятия», насколько мы знаем, обычно производились с личной санкции Ежова. Известны случаи, когда в одном лагере (в том числе и в АЛЖИРе) содержались одновременно мать и дочь – обе как ЧСИР²².

²⁰ Таким образом, например, были осуждены 28.08.37 Особым совещанием 36 находившихся в ссылке в Астрахани жен высших военных и государственных деятелей. Некоторых из них (напр., Н.Е. Тухачевскую, Н.В. Уборевич) впоследствии этапировали из лагерей в Москву, долгое время содержали в тюрьме под следствием и в первые месяцы войны расстреляли.

²¹ Это подчеркивалось в неоднократных разъяснениях из Москвы начальникам УНКВД, которые, вследствие нехватки мест в тюрьмах, были заинтересованы в том, чтобы отправить жен в лагеря как можно быстрее, и регулярно обращались в Москву с предложениями об «опережающем» (мужа) их осуждении.

²² Сразу же после начала операции начальники УНКВД стали запрашивать Москву, как поступать с мужьями, чьи жены арестованы как «изменницы родины». В ответ было подготовлено распоряжение, что мужей в таких случаях следует арестовывать и осуждать в точном соответствии с приказом 00486. Однако на чистовом экземпляре этого распоряжения стоит рукописная резолюция одного из подчиненных Фриновского: «[В] дело. Не посылать». Думается, что аресты мужей в качестве ЧСИР если и были, то носили скорее эпизодический, чем системный характер.

В октябре 1937 г. «контингент» репресслируемых жен резко расширились. Специальными распоряжениями Ежова приказ № 00486 был распространен также на жен тех, кто был арестован по «польской линии», затем на жен румынских и немецких «шпионов» и на жен арестованных «харбинцев» (вернувшихся из Маньчжурии бывших работников КВЖД, которых обвиняли в шпионаже в пользу Японии)²³. Операция против этих новых категорий жен в течение полутора месяцев шла по всей стране. В тюрьмах оказались несколько тысяч жен «националов». На Украине, где «национальные операции» были особенно массовыми, успели арестовать около 4,5 тысячи таких жен и отобрать у них более 4 тысяч детей. В остальных регионах число арестованных жен «националов» исчислялось несколькими сотнями, иногда десятками, изредка даже меньшими цифрами (например, в Ленинграде – 612, в Москве – 220, в Горьком – 88, в Воронеже – 60, в Карелии – 9). Однако уже в ноябре операция была неожиданно прекращена. 22 ноября заместитель Ежова Фриновский разослал по всем НКВД – УНКВД указание: «1. Прекратить аресты жен репрессированных по польской, немецкой, харбинской и румынской операциям. 2. Жены осужденных по этим операциям будут последующем расселены для чего представьте цифровые данные количестве жен и детей подлежащих выселению. 3. Сообщите количество арестованных жен содержащихся следственных тюрьмах сейчас, также число отобранных детей, для определения их дальнейшего направления»²⁴. Аресты этой категории жен были остановлены, конечно, не из-за смягчения характера репрессий, а из-за ограниченных возможностей размещения женщин в тюрьмах, и без того переполненных, нехватки мест в детских домах и яслях.

Судьбы арестованных в октябре – ноябре жен «националов» сложились по-разному. Одних успели осудить еще до появления директивы от 22.11.37, других продержали в тюрьмах до апреля 1938 г., когда из Москвы пришло разрешение отправить их дела на ОСО. Часть, судя по косвенным данным, – «расселили», т.е. выслали в административном порядке, причем кое-где в качестве юридической базы для высылки использовали уже практически не применявшуюся к этому времени (но и не отмененную формально) инструкцию от 15 июня 1937 г. Некоторых женщин, арестованных в качестве ЧСИР, по-видимому, «переоформили», а затем осудили по тем же «национальным операциям», что и мужей²⁵.

²³ Первое из указаний Ежова на эту тему было направлено во все НКВД–УНКВД 2 октября: «Распространить мой приказ № 00486 от 15 августа 1937 года в отношении семей поляков, репресслируемых согласно приказа 00485» (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 149. Л. 275). Приказ НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. регламентировал самую крупную «национальную операцию» – «польскую», по которой в 1937–1938 гг. было осуждено почти 140 тысяч человек.

²⁴ Там же. Д. 151. Л. 84.

²⁵ Некоторые начальники УНКВД (с Украины, из Оренбурга, Челябинска и др.) обращались к Ежову с предложением осудить эту категорию жен на областных тройках, но дали ли им санкцию на такое осуждение – нам неизвестно.

После того как расширения приказа № 00486 на «националов» были отменены, операция продолжалась в прежнем формате еще почти год. 5 октября 1938 г. Ежов вместе с новым его заместителем Берия обратились к Сталину с запиской:

«По предложению НКВД СССР 5 июля 1937 года ЦК ВКП(б) принял решение о репрессировании жен изобличенных изменников родины, право-троцкистских шпионов. На основании этого решения НКВД СССР издал приказ за № 00486 от 15 августа 1937 года <...> В дальнейшем считаем целесообразным арестовывать не всех жен осужденных изменников родины право-троцкистских шпионов, а только тех из них:

а) которые были в курсе или содействовали контрреволюционной работе своих мужей;

б) в отношении которых органы НКВД располагают данными об их анти-советских настроениях и высказываниях и которые могут быть рассматриваемы как политически сомнительные и социально-опасные элементы <...> Просим Ваших указаний»²⁶.

Документ этот весьма типичен для осени 1938 г. – времени нового поворота в сталинской репрессивной политике, когда уже явно обозначился курс на свертывание «массовых операций», начатых летом 1937 г. Согласие Сталина на предложения руководителей НКВД, конечно же, было получено, и 17 октября издается приказ НКВД № 00689 (подписанный опять-таки совместно Ежовым и Берия), который кроме дословного повторения пунктов «а» и «б» из их записки Сталину содержал и дополнительные детали:

«3. Вопрос об аресте и репрессировании жен врагов народа решается в каждом отдельном случае начальником соответствующего органа НКВД, исходя из полученного агентурного материала, причастности их к контрреволюционной работе своих мужей, продолжительности совместного проживания и проч.

Пункт 36 оперативного приказа № 00486 об обязательности ареста жен врагов народа одновременно с мужьями – отменяется. Вопрос этот решается в соответствии с п.3 настоящего приказа.

Порядок ареста и дальнейшего направления жен врагов народа, а также порядок размещения их детей, установленный приказом № 00486 от 15 августа 1937 года – сохраняется»²⁷.

Итак, в октябре 1938 г. было отменено то, что являлось сутью приказа 00486, – неотвратимость ареста жены вслед за арестом мужа. Сам же приказ, хотя и в урезанном и измененном виде, сохранял силу в течение еще пяти недель. Отменен окончательно он был 26 ноября 1938 г.

Сколько же всего женщин было отправлено в 1937–1938 гг. в лагеря в качестве «членов семьи изменников родины»? Точная цифра нам неизвестна.

²⁶ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 79. Л. 281–282.

²⁷ См.: Информационный бюллетень правления Общества «Мемориал». Сентябрь 1999. № 12. С. 23. См. также: Дети ГУЛАГа. М., 2002. С. 307.

Восстановить ее можно только по протоколам Особого совещания, к сожалению, пока еще остающимся для нас недоступными. Некоторым ориентиром могут служить данные из уже упоминавшейся записки от 5 октября 1938 г. В ней руководство НКВД сообщало Сталину, что всего на основании приказа № 00486 «по неполным данным репрессировано свыше 18 000 жен арестованных предателей, в том числе по Москве свыше 3000 и по Ленинграду около 1500»²⁸.

Более точными выглядят данные об «изъятых» детях. В Административно-хозяйственном управлении НКВД, которое занималось распределением этих детей по детским учреждениям, велся тщательный учет. Из сохранившейся внутриведомственной и межведомственной переписки мы узнаем не только об их числе, но и о том, что вся операция по приказу 00486 носила отчасти «плановый характер».

Еще до начала операции Ежов подробно информировал Сталина о будущих «изъятиях»: «По ориентировочным подсчетам детей 1-й категории будет около 5000 человек»²⁹. Далее он писал: «Размещать детей мы предполагаем таким образом, чтобы дети нескольких родителей из одного города, связанных между собой общим знакомством или родством, не могли бы попасть в один и тот же детский дом. Причем, как правило, дети с места жительства одной области будут обязательно переводиться в детдома другой области»³⁰.

²⁸ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 79. Л. 281. Думается, что цифра репрессированных жен, названная здесь, не преуменьшена. В более позднем документе, рапорте начальника 1-го спецотдела НКВД Петрова на имя Берия от ноября 1939 г., который посвящен проблемам, связанным с конфискованным имуществом, упоминается еще меньшая цифра – 12,5 тысячи. Однако из контекста документа неясно, включает ли в себя эта цифра всех жен, осужденных по приказу № 00486, или только тех, у которых были произведены конфискации (Там же. Оп. 6. Д. 839. Л. 71–73). Может возникнуть недоумение при сопоставлении числа осужденных жен с количественными итогами осуждений Военной коллегией Верховного суда (общее число осужденных трибуналами было значительно меньшим). С 1 октября 1936 г. по 1 ноября 1938 г. ВКВС и ее выездные сессии приговорили 39 745 человек. Этому несоответствию есть несколько объяснений. Во-первых, ВКВС и трибуналы осуждали не только «право-троцкистских шпионов и диверсантов», а по гораздо более широкому составу обвинений, следовательно, не все жены осужденных этими органами подлежали аресту как ЧСИР. Во-вторых, многие жены арестованных мужей были осуждены в 1937–1938 гг. по самостоятельным обвинениям – точная статистика, к сожалению, неизвестна. Наконец, судя по мемуаристике, немалой части жен удалось скрыться, «спрятаться» после ареста мужа, переехав в другой район страны или даже перебравшись жить к кому-то из родственников или друзей в том же самом городе, где был арестован муж.

²⁹ Там же. Оп. 4. Д. 79. Л. 85; Упоминание 1-й категории фиксирует, по-видимому, промежуточную стадию в подготовке приказа — идею арестовывать и осуждать только жен расстрелянных (см. также цитируемую выше телеграмму М. Бермана от 3.07.37). Соответственно, в детские дома планировалось направлять только тех детей, чьи отцы были осуждены «по 1-й категории». Таких детей в возрасте до 15 лет в июле 1937 г. было учтено по Союзу около 3800 человек (Там же. Д. 2166. Л. 249). Напомним, что в это число входили дети тех, кто был расстрелян после 1 декабря 1934 г.

³⁰ Эта установка вошла в приказ № 00486, в пункте 27 которого говорилось, что в один и тот же детдом не должны попадать дети, «связанные между собой родством или знакомством». 20 сентября 1937 г. данное положение было смягчено: Ежов дал разрешение «направлять в один детский дом детей, связанных между собой родством, при личном их об этом желании» (Там же. Д. 10. Л. 120).

Детей, подлежащих «изъятию», оказалось, однако, значительно больше. 27.11.37 Ежов сообщал председателю Совнаркома Молотову: «В порядке выполнения решения ЦК ВКП(б) (имеется в виду решение Политбюро от 5.07.37. – А.Р., АД.) с начала операции по 20 ноября с.г. в Москве и по Союзу ССР НКВД направил и устроил в детдома Наркомпроса 5862 чел. детей репрессированных родителей. Предполагаемое ранее число детей (5000), подлежащих размещению, превышено. До конца операции предполагается изъять еще до 10 000 детей». В ответ на это обращение Совнарком 19 декабря 1937 г. постановил обязать наркоматы просвещения РСФСР, Украины, Казахстана и Белоруссии выделить дополнительные 10 000 мест в детских домах. Однако и этих мест не хватило. 4 августа 1938 г. зам. наркома внутренних дел Жуковский (по должности курировавший АХУ НКВД) писал управляющему делами Совнаркома Петруничеву: «В порядке выполнения решения ЦК ВКП(б) НКВД СССР на 10 июля с.г. устроил в детдома наркомпросов союзных республик – 17 355 детей репрессированных родителей. По предположению НКВД СССР потребуется изъять и разместить еще до 5000 детей». Просьба о выделении в детдомах РСФСР и УССР дополнительных 5 тысяч мест была удовлетворена³¹.

Итоговые цифры по 1937–1938 гг. сообщил 29 января 1939 г. начальник АХУ НКВД Сумбатов в записке на имя Берия:

«Приказом НКВД № 00486 1937 года на Административно-хозяйственное управление НКВД было возложено особое задание по изъятию детей врагов народа и определению этих детей в детские учреждения или передаче родственникам на опеку.

С 15 августа 1937 года по настоящее время Административно-хозяйственным управлением проделана следующая работа:

Всего по Союзу изъято детей 25 342 чел.

из них:

а) Направлено в детдома Наркомпроса и местные ясли..... 22 427 чел.
из них г.Москвы..... 1909 чел.
б) Передано на опеку и возвращено матерям..... 2915 чел.»³².

Цифры эти выглядят вполне достоверными. Но они заведомо неполны.

В них не включены данные о детях старше 15 лет, которые были признаны «социально-опасными», арестованы и осуждены. Нам известно совсем немного имен – считанные десятки. На самом деле осужденных детей было больше.

Нет здесь данных и о других 15-, 17-летних детях репрессированных родителей – тех, у кого не нашлось родственников, желающих взять их в свои семьи. Этих детей направляли в детские дома до окончания средней школы или принудительно трудоустраивали. Но и направление детей старше 15 лет в детдом, и трудоустройство осуществляли местные управления

³¹ Там же. Оп. 5. Д. 69. Л. 186.

³² Там же. Оп. 6. Д. 839. Л. 35.

НКВД без участия АХУ НКВД СССР, поэтому в статистике АХУ эти данные не отражались.

Нет сведений о детях как старшего, так и младшего возраста, которых родственники забирали к себе сразу после ареста родителей (иногда уже из детприемников), не оформляя официально опеку в органах НКВД. Не учтены многочисленные случаи, когда сами дети сумели избежать «изъятия», на свой страх и риск отправляясь к родным (иногда совершая при этом далекие путешествия, пробираясь тайком в другие города и регионы) или просто пополняя ряды беспризорников.

Нет в записке начальника АХУ НКВД и сведений о грудных детях, которых матери забирали с собой в лагерь, о детях, родившихся в заключении (несмотря на запрещение в приказе 00486 арестовывать беременных женщин, правило это постоянно нарушалось).

Дело, однако, не в цифрах, а в непреложном факте – операция по приказу № 00486 была направлена не только против жен, но и против детей «врагов народа». И когда мы пытаемся подсчитать общее число жертв этого приказа, необходимо включать и их в итоговые цифры.

ЧСИР, приговоренные к лагерным срокам, были восстановлены в правах в самом начале реабилитационного процесса – в 1950-е годы. В 2003 г. были наконец в законодательном порядке признаны жертвами политических репрессий и дети, лишённые родителей или надолго оторванные от них, оторванные от родных мест, прошедшие детприемники НКВД и детдома, многие годы находившиеся под неусыпным надзором органов госбезопасности.

Первые этапы ЧСИР пошли в лагерь в сентябре 1937 г.

Как уже упоминалось, в июле 1937 г. было приказано создать для женщин два специальных лагеря – в Западной Сибири и в Казахстане. Но к началу операции их еще не успели подготовить. Поэтому в приказе № 00486 в качестве места, куда следовало направлять заключенных, был обозначен Темниковский ИТЛ, дислоцированный недалеко от Москвы – в Мордовии. К сентябрю 1937 г. здесь было организовано первое специальное отделение для женщин – членов семей «изменников родины»³³. Оно, однако, не могло вместить всех ЧСИР, направляемых в Темлаг, и для них вскоре начали освобождать дополнительные лагпункты³⁴.

³³ Заметим кстати, что последняя из советских политических женских зон, ликвидированная только в 1986 г., дислоцировалась именно на территории бывшего Темниковского лагеря (еще в конце 1940-х преобразованного в Дубравный ИТЛ).

³⁴ Из телеграммы начальника ГУЛАГа Плинера начальнику Темлага Долину и начальнику спецотделения для ЧСИР Маслову от 16.12.37: «Использование 23 и 24 лагпунктов организации лагпунктов Спецотделения для размещения еще 2000 осужденных Особым совещанием женщин членов семей изменников родины – утверждаю. Немедленно приступите ремонту подготовке помещений приему заключенных, закончив все работы первому январю» (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2259. Л. 427).

Сами заключенные вспоминали впоследствии, что всего в Темлаге сидело около 7 тысяч женщин-ЧСИР. По-видимому, на самом деле их было несколько меньше – от 4,5 до 5 тысяч³⁵.

Вслед за спецотделением в Темниках такое же отделение, примыкающее к местной тюрьме, было открыто в Томске. В мемуаристике сохранилось название – «Томский лагерь жен изменников родины». По воспоминаниям одной из заключенных, привезенной туда в конце 1937 г., здесь к этому моменту находилось около 4 тысяч ЧСИР³⁶.

Наконец, в самом начале 1938 г. было открыто спецотделение в Акмолинске, входившее в структуру Карагандинского ИТЛ. Разрешение на его создание ГУЛАГ дал еще в начале сентября³⁷. Следующие четыре месяца ушли на подготовительные работы, причем Москва постоянно торопила Карлаг³⁸. Начиная с 10 января 1938 г. стали приходить этапы. Акмолинское спецотделение быстро заполнялось³⁹ и в течение полугода переполнилось настолько, что руководство Карлага вынуждено было вначале временно распределять очередные этапы осужденных жен по другим лаготделениям, а к осени создать еще одно специальное отделение для ЧСИР – Спасское.

³⁵ «Всего, насколько мы знаем, всех лагерных пунктов для жен в Темниковских лагерях было пять. Из них, по нашим подсчетам, четыре л/п по 1100 человек и один большой на 2500 человек (там работали вышивальщицы)» (Левинсон Г.И. Я постаралась забыть... // Вся наша жизнь. М.: Мемориал, 1996. С. 37). Ср. данные из базирующейся на архивных источниках статьи С.В. Кривенко о Темлаге в кн.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 : Справочник / Сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. С. 479.

³⁶ Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. М., 1989. С. 9. Думается, в Томском лагере содержалось значительно меньше женщин – не более 2,5 тысячи. Этот вывод можно сделать из описаний лагеря в различных мемуарных текстах, собранных сотрудниками НИЦ «Мемориал» (Петербург): везде говорится о четырех (не более) бараках, оборудованных двух-, а не трехъярусными нарами, и т.д. Вообще следует отметить, что точными данными о распределении женщин-ЧСИР по лагерям мы не располагаем. В статистике ГУЛАГа ЧСИР как специальная категория не выделялись, поэтому ответы здесь могут быть получены только при детальном изучении отдельных лагерных архивов, прежде всего картотек заключенных.

³⁷ См. телеграмму начальника ГУЛАГа Плинера в НКВД КазССР от 9.09.37: «Организацию концлагеря базе Акмолинского трудпоселка № 26 согласен. <...> Проектируйте строительство бараков» (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2246. Л. 566).

³⁸ См., напр., телеграмму зам. начальника ГУЛАГа Леонюка в Алма-Ату от 13.11.37: «Прошу сообщить ходе строительства концлагеря Акмолинске, когда сколько помещений будет готово, когда можно направлять осужденных, концлагерь намечается использовать содержания осуждаемых Особым совещанием женщин членов семей изменников родине» (Там же. Д. 2254. Л. 749). См. также его телеграмму в Караганду от 17.12.37: «Телеграфьте ходе подготовки Акмолинского Спецотделения приему и размещению осужденных, также организации приемного пункта станции Акмолинск <...>. Учтите конце декабря начнут поступать заключенные» (Там же. Д. 2259. Л. 599).

³⁹ По данным А.Р. Кукушкиной, только в течение первых двух недель в лагерь прибыло 8 этапов из Москвы, Оренбурга, Иркутска, Ростова, Калуги, Орши (Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников родины»: История и судьбы. Караганда, 2002. С. 73). В работе А.Р. Кукушкиной, преподавателя Казахстанского финансово-экономического университета и председателя историко-просветительского общества «Мемориал–Караганда», собран и обобщен значительный фактический материал, в частности из архива Карагандинского ИТЛ. Некоторые из приводимых в настоящей статье сведений, касающихся функционирования Акмолинского спецотделения, почерпнуты нами из этой работы.

Первые полтора года существования лагеря были самыми трудными для заключенных. Теснота⁴⁰, тяжелый, непривычный быт, неналаженное производство – все это вместе с определенным для «спецконтингента» режимом строгой изоляции делало их жизнь особенно мучительной. И весь этот период АЛЖИР рассматривался не просто как лагерь для ЧСИР, а как место содержания «особо опасных» из них⁴¹. Лишь в мае 1939 г., через полгода после того, как на воле закончилась операция против жен «изменников родины», был издан приказ ГУЛАГа, во исполнение которого в течение лета – осени отделения Темлага, Сиблага и Карлага, где были сконцентрированы ЧСИР, были переведены со «спецрежима» на общелагерный. Это означало несколько принципиальных изменений в жизни узниц АЛЖИРа. Главное из них: женщинам была разрешена ранее запрещенная переписка с волей. Только сейчас многие смогли узнать о судьбе своих мужей, о том, что произошло с их детьми. Разрешили также получать посылки, сняли запрет на использование специалистов по их рабочим специальностям и т.д.

Переход на общелагерный режим означал, в частности, что ЧСИР не являются больше «спецконтингентом», который содержится в строгой изоляции от других заключенных. Их можно было теперь объединять с другими лагерными «контингентами», переводить в другие лагпункты, в случае производственной или режимной необходимости – в другие лагеря. Это довольно быстро привело к раскассированию Томского лагеря ЧСИР, откуда большую часть женщин перевели в ИТК № 1 Сиблага на станции Яя, к нескольким этапам ЧСИР из переполненного Темлага в другие лагеря, например на строительство Сегежского лесобумхимкомбината в Карелию (оттуда многие из них потом будут переведены в Карлаг). В самом Кар лаге было ликвидировано недавно созданное Спасское отделение, а ЧСИР – перераспределены между другими отделениями лагеря (значительная часть попала в Долинку). Начались и переводы ЧСИР из Карлага в другие лагеря – на строительство Соликамского ЦБК, в Красноярский ИТЛ и т.д.

Акмолинское спецотделение в самом конце 1939 г. влилось окончательно в Карлаг (до того оно входило в структуру Карлага формально, в основном подчиняясь непосредственно ГУЛАГу) и было переименовано в 17-е отделение Карлага. Однако до начала войны оно еще сохраняло первоначальную специфику, оставаясь прежде всего местом сосредоточения именно ЧСИР. Позднее сюда стали помещать женщин и мужчин, осужденных за другие «контрреволюционные преступления», иногда и осужденных по общеуголовным статьям. По мнению современного исследователя, «Акмолинское отделение к началу 40-х годов стало смешанным и все более походило на другие отделения Карлага»⁴².

⁴⁰ Судя по справкам, публикуемым в настоящей книге, в середине 1939 г. в АЛЖИРе находилось более 4400 женщин-ЧСИР.

⁴¹ См. указание зам. наркома внутренних дел Жуковского в У НКВД по Дальневосточному краю от 23.07.38: «Жен врагов народа, подлежащих рассмотрению Особым совещанием, направьте в Карлаг. Кроме особо опасных, которых направьте отдельно Акмолинское спецотделение» (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 87. Л. 181).

⁴² Кукушкина А.Р. Цит. соч. С. 90. См. также с. 83–85 и др.

Жизни женщин-заключенных Акмолинского лагеря посвящены многие уже опубликованные и еще ждущие своего издателя мемуарные тексты⁴³. В них подробно описаны и бараки, и скудное питание, и труд – рубка камыша, сельскохозяйственные работы, швейное производство. Там же и описания участи детей, привезенных в лагерь или родившихся там, описания лагерных «домов младенца». Едва ли не основная тема воспоминаний женщин-лагерниц – страдания матерей, отлученных от детей, удачные и неудачные попытки искать по переписке детей, забранных в детдома или – такое нередко случалось – вовсе неизвестно куда девшихся, пропавших в водовороте террора. Еще одна тема – долгожданные встречи с детьми после освобождения, нередко обрачивающиеся трагедиями. И наконец, жизнь на свободе с клеймом «врага народа». Всех этих тем мы сейчас касаться не будем. Они требуют не одной или двух страниц, а отдельных книг.

У женщин, осужденных по приказу 00486, конец срока должен был наступить в 1942–1943 или 1945–1946 гг. Впрочем, однако, почти никого из них не освободили⁴⁴. 22 июня 1941 г., т.е. в первый день войны, была издана специальная директива, запрещающая освобождать из лагерей «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников».

В следующем году были изданы новые директивы, позволявшие освобождать ЧСИР, у которых заканчивался срок заключения. Однако свобода, которую они получали, оказывалась весьма условной, поскольку директива предписывала «всех отбывших сроки наказания освобожденных оставлять для работы в лагерях НКВД на положении вольнонаемных без права выезда с прикреплением до конца войны к районам работ лагеря-стройки». Паспортов таким «освобожденным», как правило, не выдавали, ограничивались лагерной справкой. Кроме того, приказывалось размещать их «в отдельных лагерных пунктах, сняв проволочное ограждение с зоны, в переоборудованных нарами вагонного типа бараках». Впрочем, если освобожденных таким образом инвалидов, стариков, женщин, имеющих детей, невозможно было использовать для работы в лагерях, начальник лагеря имел право по собственному усмотрению их освобождать «на общих основаниях». При

⁴³ См., напр.: Мамаева Е.А. Жизнь прожить... М.: КОПИ-ЦЕНТР, 1998; Поль И.Л. Оглянись со скорбью : История одной семьи. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991; Степанова-Ключникова Г. Казахстанский АЛЖИР / подгот.: Ассоц. жертв незаконных полит, репрессий, с. Малиновка; г. Астана, 2003; Страницы трагических судеб : Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. / Казахстан, ист.-просветит, о-во «Адилет» (Справедливость). Алматы: Жеті жарғы, 2002. (На каз. и рус. яз.). Что касается неопубликованных текстов мемуарного характера, то только в архиве Общества «Мемориал» (Москва) хранятся несколько воспоминаний, посвященных АЛЖИРу: М.Л. Анцис, А.Ф. Бариной-Шиловой, Я.И. Верженской, Р.Л. Вольнской, М.М. Гольдберг, О.М. Кучумовой, ЕА. Семеновы и других. См. также архивные коллекции Центра и Музея им. АД. Сахарова и историко-литературного общества «Возвращение».

⁴⁴ Кроме тех немногих, которым ОСО почему-то определило срок в 3 года. Если этот срок заканчивался до начала войны, то их, насколько нам известно, отпускали вовремя. Кроме того, очень небольшое число женщин было освобождено из лагеря по пересмотру дела в 1939–1940 гг. При этом некоторым из них лагерный срок был заменен ссылкой. Всего в 1939–1941 гг. из Карлага было освобождено около 5% находившихся там женщин-ЧСИР

этом он же имел право вовсе не освободить заключенного и задержать его в лагере до конца войны, если тот «характеризовался отрицательно». Таким образом, для многих женщин, чей срок заканчивался в годы войны, освобождение было лишь формальным, фактически оно означало не более чем переселение за пределы зоны⁴⁵. Окончательно их освободили только после мая 1946 г. При этом в паспортах у всех освобожденных стояло указание об ограничении прописки в «режимных местностях»⁴⁶. Это значило, что большинство освобожденных женщин-ЧСИР не могли вернуться в родные города.

Всего в Карлаге в 1938–1946 гг. отбывали наказание около 6500 женщин-ЧСИР. Из них более 4500 прошли через АЛЖИР – один из крупнейших (если не самый крупный) советских женских лагерей.

Ныне во многих городах и поселках Республики Казахстан воздвигнуты мемориальные комплексы, монументы, памятные знаки жертвам политических репрессий советской эпохи. В новой столице – Астане (бывший Акмолинск) – к памятнику жертвам возлагают цветы, сажают около него деревья.

В Малиновке – так называется теперь бывший трудпоселок № 26 – стоит памятник узницам АЛЖИРа. На тополиной аллее, посаженной когда-то их руками, установлены стенды с именами и фрагментами воспоминаний; в Доме культуры создан музей АЛЖИРа. На месте, где хоронили умерших заключенных, установлены символические надгробия – христианское и мусульманское⁴⁷. Ежегодно в День памяти и скорби сюда приезжают родственники женщин, когда-то отбывавших заключение в Акмолинском лагере.

Приезжают сюда и сами бышие узницы. Их осталось уже совсем немного.

⁴⁵ Это надо учитывать и при чтении настоящей книги. Зачастую дата освобождения, указанная в ней и основанная на записи в учетной карточке, не совпадает с датой реального «открепления» от лагеря, т.е. с датой фактического освобождения.

⁴⁶ См. директивы, указания и приказы о прекращении и возобновлении освобождения из лагерей от 22.06.41, 29.04.42, 7.05.42, 24.06.46 в кн.: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / сост. Е.А. Зайцев. М., 1993. С. 158–166.

⁴⁷ Нельзя не упомянуть, что все это – и памятник, и стенды, и музей, и мемориальные надгробия – создано и действует при постоянной поддержке генерального директора ОАО «Акмола-Феникс» И.И. Шарфа. Памятник был установлен еще в 1989 г., когда во многих регионах СССР об этом и речь всерьез не шла.

4 октября 2016 года Минюст РФ внес
Международный Мемориал в реестр
«некоммерческих организаций, выполняющих
функцию иностранного агента».